

То, что заключенного Гарри Поттера провели по коридорам Азкабана, было невероятным событием для других его обитателей, и эта новость быстро пересказывалась из камеры в камеру. К тому времени, когда они добрались до его нового дома, новость о прибытии Гарри облетела его стороной.

"Малыш Поттер, совсем один среди нас. Не волнуйся, мы позаботимся о нем для тебя. Когда наш хозяин придёт освободить нас, а он скоро придёт, я обещаю, что Поттер умрёт с криками о пощаде".

Бред Беллатрикс заставил авроров замешкаться, но Амбридж шагнула вперед и втолкнула Гарри в открытую дверь камеры. Она даже не позволила снять с него манатки, захлопнув дверь сразу же, как только он оказался в ней.

"Заприте его здесь, и удвойте присутствие дементоров в этом крыле".

Начальник тюрьмы посмотрел на неё, а затем на приказ в своей руке. "Здесь ничего об этом не сказано..."

"Я говорю вам сделать это, вы меня спрашиваете?"

"Если это не записано, то этого не произойдет. Ты даешь мне это в письменном виде, подписанное при свидетелях, и твой приказ будет выполнен. В противном случае это будет твое слово против моего".

Этого Долорес делать не хотелось, но надо. Она направилась в кабинет этого кретина, чтобы отдать ему письменный приказ. Поттера нужно было сломать.

Гарри приземлился на колени, едва не ударившись о заднюю стену камеры, когда его впихнули сюда. Это был, конечно, шаг вниз по сравнению с его прежним жильём в Министерстве.

Тёмно-коричневая облупившаяся краска на стенах камеры тоже была не слишком приветливой, а кровать была более мягкой, чем его койка на Прайвет-драйв. Насмешки со стороны его сокамерников в этом крыле тоже были совсем иного характера, чем те, что выкрикивали в его адрес Дурсли, и теперь то, что его называли уродом, не казалось таким уж страшным. Гарри охотно признал бы свою сексуальную неопытность, но ему показалось, что последняя пара насмешек была физически невозможна, если только ведьмы и волшебники не отличаются друг от друга в этом плане - и, конечно, никто не удосужился ему об этом сказать.

Понижение температуры означало, что прибыла их специальная охрана, и это быстро прекратило насмешки, но Гарри теперь приветствовал бы эти крики. От воздействия дементоров было не спастись, он уже слышал, как его мать кричит, чтобы её сына пощадили. Не было также никакой возможности противостоять этому нападению, не имея в руках своей палочки. По крайней мере, он мог утешиться тем, что в министерстве её не было. Она лежала под подушкой в лазарете, когда его оттуда вытаскивали. Он был уверен, что оно будет у

Гермионы, и доверял ей, что она будет его беречь.

Однако эти мысли привели к странному результату: Гарри заметил, что мысли о Гермионе, похоже, ослабили власть дементоров над ним. Гарри вспомнил, как Сириус говорил ему, что осознание своей невиновности помогает избавиться от отчаяния, вызванного дементорами. Гарри был не только невиновен, его бросили сюда только для того, чтобы эта сука Амбридж смогла склонить его к воле министра магии. То, что его лучший друг всё ещё пытался защитить его даже здесь, почти превратило его гримасу в ухмылку. Без своей палочки он не мог призвать Пронгса, чтобы удержать дементоров на расстоянии, но Гермиона, похоже, действовала как его личный патронус. Может быть, она и не могла прогнать дементоров, но любая форма защиты от этих ужасов была более чем желанна.

Гарри не сразу понял, что чем больше он думает о Гермионе, тем меньше дементоры влияют на него. Поскольку думать о лучшей подруге было не так уж сложно, Гарри так и поступил. Он вернулся к их первой встрече в Хогвартс-экспрессе, к свиданию с троллем и путешествию по запретному третьему коридору. Обнять Гермиону, когда она сказала ему, что он великий волшебник, было его лучшим воспоминанием о том годе - лучшим воспоминанием до этого момента.

Видеть её окаменевшей в мае следующего года было, безусловно, худшим воспоминанием второго курса. Даже когда он лежал в палате, умирая от яда василиска, осознание того, что она будет в безопасности, помогло ему встретиться с тем, с чем он не мог смириться. Тогда Фоукс плакал над своей раной, и Гермиона, наконец, вбежала в большой зал, практически прыгнув в его объятия.

На третьем курсе они поссорились, и тоже из-за дурацкой чертовой метлы. Гарри хорошо помнил, как Гермиона бросилась перед ним, как живой щит, когда они столкнулись с Сириусом Блэком. Потом, несмотря на то, что она боялась высоты, Гермиона забралась к нему на спину, когда они летели на Бакбике вверх, чтобы спасти своего крёстного отца. То, что Гермиона крепко держалась за него в ту ночь, стало некоторой компенсацией за то, что ему пришлось вернуться к тёте и дяде в Литтл-Уингинг.

Этот год был просто катастрофой. Они, конечно, провели много времени вместе, но единственное хорошее воспоминание, которое он смог сохранить, - это встреча с Гермионой на Тривизардовском балу, она была просто потрясающей. Её глаза искрились весельем от его реакции на неё, её дикие волосы были укрощены - и обрамляли её прекрасное лицо. Тогда-то и пришло осознание того, что он по уши влюблён в свою лучшую подругу.

Тепло, разливающееся по телу, было настолько сильным, что почти перекрыло действие дементоров. Чем больше Гарри размышлял над сложившейся ситуацией, тем больше понимал, что всё это правда. Он любил свою лучшую подругу и теперь мог только надеяться, что она испытывает к нему те же чувства. Он часами лежал и вспоминал последние четыре года их совместной жизни, и приятные воспоминания сглаживали изрядную долю изнуряющего воздействия дементоров.

Внезапно что-то в Гарри радикально изменилось. Воспоминания, которые всего несколько

минут назад приносили ему успокоение, теперь стали искажаться и изменяться, чтобы причинить ему максимальную боль и ужас. Вбежав в туалет и обнаружив, что опоздали, тролль оставил на полу лежать изломанную и окровавленную Гермиону. Гарри сидел с избитой головой Гермионы на коленях и плакал, как никогда раньше. На втором курсе василиск уже не окаменел, а убил Гермиону. Не было чудесных объятий в большом зале. На третьем курсе дементоры убили Гермиону и Сириуса прямо у него на глазах. Его патронус смог защитить только его самого, что бы он ни делал. На четвёртом курсе Гермиона утонула под Чёрным озером во время второго задания - несмотря на его неистовые попытки спасти её.

...а ужасы всё продолжали и продолжали. Особенно мучительно было наблюдать, как Гермиона целуется с Крумом на балу и соглашается стать девушкой болгарского искателя - по крайней мере, она выжила после этого. Все хорошие воспоминания о Гермионе превратились в фильм ужасов, настолько реалистичный, что Гарри почувствовал вкус крови.

Он не мог понять, что изменилось. Воспоминания, которые ещё недавно давали ему хоть какое-то утешение, теперь мучили его сильнее, чем дементоры. Как будто его разум застрял в каком-то садистском цикле, снова и снова воспроизводя эти ужасы. Сколько бы он ни пытался убедить себя в том, что Гермиона в безопасности и здорова, беспомощное наблюдение за тем, как она умирает раз за разом, оказывало на него подавляющее воздействие. По подбородку Гарри стекала кровь, и он прикусил нижнюю губу, пытаясь не закричать.

Поскольку эта атака дементоров отличалась от всех, с которыми он когда-либо сталкивался, на этот раз не было никакой защиты от этой садистской пытки - и никакого спасения тоже. Эта пытка была неумолимой и более болезненной для Гарри, чем крестообразные удары Волдеморта.

Он уже приготовился удариться головой о стену камеры, решив, что только потеря сознания поможет избавиться от боли, как вдруг произошло странное. Его голова метнулась к стене камеры... и прошла сквозь непробиваемый гранит. Затем он вернулся в камеру и увидел странное зрелище: на кровати лежал Гарри Джеймс Поттер. Там, где несколько секунд назад он корчился в агонии, теперь были лишь редкие судороги и гримаса на лице.

Гарри понятия не имел, что он натворил, и даже не представлял, кем он теперь является. Не было ни призрачных рук, ни тела, и в то же время Гарри чувствовал себя так, словно смотрел своими собственными глазами - только глаза были закрыты и по-прежнему были привязаны к телу на кровати. Среди всех этих загадок было по крайней мере одно, что он точно знал: эти ужасные воспоминания больше не мучили его - и он не чувствовал никакого воздействия дементоров. Что бы это ни было, Гарри совершенно не собирался бороться с этим.